

Все мне дышет!

Наталия
Симонова

ПЕРЕПУТАНЫ
НАШИ СЛЕДЫ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С37

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Симонова, Наталья.

С37 Перепутаны наши следы : [сборник рассказов] / Наталья Симонова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Все еще будет!).

ISBN 978-5-699-98111-3

Эх, не стоило Игорю поддаваться на подначки мужиков в бане и делать анализ ДНК дочери! Аленка-то оказалась не его. Но и жена Галя, как выяснилось, Аленке не родная мать. Можно было смириться и забыть, но Галя и Игорь решили выяснить, как это случилось. Новый сборник рассказов Натальи Симоновой — о том, как все мы совершаем ошибки, пытаемся склеить разбитое, обижаем близких и доставляем им радость. И конечно же, о любви, что придает жизни смысл.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98111-3

© Симонова Н., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Переполох

Паша торопился домой. Он был голоден. А жена, он знал, собиралась прийти пораньше, и, по его расчетам, ужин уже должен был шкворчать на плите. Паша сглотнул слюну, почти ощущая соблазнительные запахи кухни, и поспешил вон из машины — благо сразу удалось найти место для парковки во дворе.

В хорошем настроении, созданном предвкушением неторопливого трапезничания в обществе жены (или в уединении, если она занята, — без разницы, лишь бы еда уже была готова!), Паша преодолел маленькое препятствие домофона, взбежал на площадку лифта, поднялся на свой этаж и почти ворвался в квартиру, от нетерпения теряя вещи в прихожей. К сожалению, из кухни таки ничем не пахло. Неужели жена задержалась на работе и явилась только-только? Паша поплелся в гостиную, где горел верхний свет, и, к изумлению своему, обнаружил Ирину сосредоточенно собирающей вещи в большой чемодан.

Наталья Симонова

— Уот из ит? — воскликнул он обеспокоенно, используя по своей дурашливой привычке искаженный английский. — Что происходит, май дарлинг? Я что-то упустил? Ты уезжаешь?

— Зыс из сборы на выход, — сказала жена. — Зыс из у меня изменились жизненные планы.

— То есть? — Паша никак не мог прийти в себя. Жена же, наоборот, нисколько, по-видимому, не сбившись, продолжала складывать в чемодан вещи, сверяясь с длинным списком.

— Ты не хочешь объяснить мне подробнее, — отставив английский и придав голосу всю доступную ему ядовитость, спросил муж. — Или мне, по-твоему, необязательно знать, куда собирается моя жена на ночь глядя?!

— Очень даже хочу! — Ира захлопнула крышку чемодана, если можно считать захлопыванием слабо пружинившее движение крышки, почти сразу же столкнувшейся с горой одежды, набившей чемоданное нутро. Она села рядом с недоупакованным багажом и вызывающе посмотрела на мужа. — Паша, — сказала она со вздохом, — я решила уйти от тебя. Я встретила человека, который меня любит, а наша с тобой жизнь давно превратилась в сплошной быт и скуку.

Произнеся это, Ира насупилась, ожидая скандала, но явно не собираясь уступать.

— Опа! — только и изрек потрясенный муж.

— Никакая не опа! — гневно возразила жена. — Опа — это когда вдруг и ни с того ни с сего. А ты дав-

Перепах

ным-давно меня игнорируешь, смотришь на меня как на мебель. Точнее, как на кухонный комбайн.

Бедный Паша буквально хватал ртом воздух, желая что-то сказать, но явно не зная, что бы это могло быть такое, что вполне соответствовало бы его зашкалившим эмоциям.

— С ним я снова почувствовала себя женщиной! — заполняя паузу, чуть мягче добавила Ира. — Так что извини.

— Извини?! — взревел наконец Павел. — Это ты мне говоришь «извини»?! Как будто просто задела меня локтем или на ногу наступила?! Ты... Ты соображаешь, что ты говоришь?! Ты соображаешь, что ты делаешь?

— Очень даже хорошо соображаю! — заорала Ира в ответ. — Я не комбайн, если хочешь знать, и так жить больше не намерена! Я любви хочу, радости! А с тобой такая скука! Это я еще долго терпела!

— Терпела?! Да что ты терпела?! Я что — денег мало даю? Я бил тебя? Пил? Гулял?

— Ты — убиваешь во мне женщину своим равнодушием! Ты меня вообще не замечаешь, словно я пустое место. Так жить нельзя! И все тут. Я ухожу.

— Ты никуда не пойдешь! — взвился Паша, теряя лицо. — Ты просто дура и с жиру бесишься!

— А ты — глухой, тупой пень! — Жена явно не собиралась принимать во внимание его жалкие протесты. — У меня появился шанс на новую жизнь! И ты не сможешь заставить меня остаться! Я — ухожу!!

Наталья Симонова

— Да к кому ты уходишь?! Откуда это вообще взялось?.. Ты же все придумала! Не может у тебя никого быть!

— Не тупи! — рявкнула жена, наваливаясь на чемодан.

— А я тебе говорю, останешься! — Паша выхватил чемодан из-под Иры злобным рывком и отбросил в сторону, вещи рассыпались по полу. — С ума сошла на старости лет!

— На старости лет?! Вот-вот! Это для тебя я старая мебель. А для него — любимая женщина, понял? И если хочешь знать, он — веселый! Он молодой и веселый! Это человек-праздник! Вот так! А ты — просто клоун... — злобно добила жена, собирая разбросанные вещи.

В общем, через полчаса Ира, скомкав сборы, ушла. А Паша остался. Несмотря на шок, он вдруг почувствовал новый спазм голода и потащился на кухню. Инспекция холодильника принесла неутешительный вывод: готовой еды в доме не было. В нерешительности потоптавшись еще по кухне и прихожей, поверженный Паша хмуро оделся и вышел, намереваясь хотя бы где-то поужинать.

Его существование превратилось в подобие дурного сна. Измена и уход жены стали для Паши совершеннейшей неожиданностью. Ну мог бы, конечно, что-то заметить и раньше, но он как-то не привык в жену особо всматриваться. Теперь же по утрам он плелся на работу словно в забыты, кое-как трудился на бла-

Перепах

го собственного бизнеса (созданного на паях с двумя приятелями), разрываемый злостью на жену и тоской по прежней жизни. Вечерами тащился в какой-нибудь кабак, где ел и пил, не щадя здоровья, в результате напиваясь почти до бесчувствия — к чему, собственно, и стремился... Выбираясь из заведений, бросал машину на парковках, ловил такси или случайного лихача и, пробубнив адрес, переходил к многосложным жалобам на покинувшую его Ирину, пока не засыпал, сурово встряхиваемый затем утомленным водителем уже возле дома. В конце концов он перестал пользоваться собственной машиной совсем, добирался до работы на метро.

Однажды вечером Паша сидел в ресторане и вполне целенаправленно напивался водкой, наливаемой из графина самим собой самому себе. Обнаружив, что вторые пол-литра закончились, Паша, неловко взмахнув рукой, хмуро призвал официантку, требуя все повторить.

— Павел Евгеньевич, а может, вам уже хватит? — вдруг жалобно проблеяла услужливая девушка, подававшая ему в этот вечер.

— Еще чего! Давай теперь еще ты мне будешь указывать! — пьяно возразил Паша. — А кстати, ты кто такая? Откуда знаешь меня, ну? Отвечай!

— Да я Лена. Лена Алабина. Я у вас училась. В институте! Вы у нас матанализ преподавали.

— А-а... И что?

— Ну я студенткой была, помните?

Наталя Симонова

— Кааааанееееешна, помню, — с пьяной многозначительностью парировал Паша. — А ты как думала?!

Девушка у него никак не фокусировалась, как ни пытался он держать голову ровно, как ни таращил глаза. В этот день Паша действительно выпил особенно много, быстро и почти без закуски.

— Павел Евгеньевич, давайте я вас лучше домой отвезу, а? Вы где живете? Вы же сами доехать не сможете, а у меня смена все равно заканчивается.

Она побежала куда-то в подсобку и вернулась одетая. Паша тем временем дремал уже, положив руки и голову на стол. С трудом заставив его, мычащего, подняться и дойти до гардероба, Лена столкнулась с новой трудностью: бывший препод не помнил, куда положил номерок.

— Ладно, не так уж холодно, — бормотнула она себе под нос, договорилась с гардеробщиком, что завтра заберет одежду и заплатит штраф, если номерок не найдется.

— Это мой знакомый, — пояснила Лена. Молчаливый гардеробщик важно кивнул. А заботливая официантка поволокла свой полумертвый от злоупотреблений груз на улицу, поймала такси.

В машине растолкала Пашу, требуя назвать адрес. Паша на минуту вынырнул из небытия, привычно прогундел нужные слова сквозь пьяную немочь и снова забылся тяжелым алкогольным сном.

Перепадок

Возле Пашиного дома Лена расплатилась с водителем, вытолкала препода из такси и поволокла вяло сопротивлявшегося бывшего профессора к подъезду.

— Какой этаж? Этаж, Павел Евгеньевич?

Профессор заплетался ногами и норовил резко менять траекторию движения, но Лена уверенно направляла его к лифту, вела к дверям квартиры, побуждала искать ключ. Наконец они добрались домой. Паша сам нащупал выключатель на стене в прихожей.

— Ну что, как вы? — поинтересовалась Елена. — Может, чаю сделать?

— Не-е... — мотнул головой совершенно обессиленный хозяин квартиры. — Спать, — выдохнул он и самостоятельно протопал в спальню, где и рухнул на кровать.

Лена покачала головой. Ясно было, что рассчитывать на какую-либо дальнейшую активность профессора не приходилось. «Придется разувать», — подумала она, направляясь вслед за Пашей, и, вздохнув, принялась расшнуровывать на нем ботинки.

Очнувшись ранним утром в тяжелом похмелье, Паша не смог припомнить почти ничего. Он был укутан пледом. Возле кровати стояли тапочки — значит, как-то смог переобуться в прихожей? Но почему тогда не разделся? Брючный ремень неприятно давил на живот, Пашу мучило. Рубашка явно была несвежей. А про дыхание в этом смысле лучше было вообще не думать. «Хорошо, что жены нет дома», — вдруг порадовался

Наталья Симонова

оставленный муж. Он сполз с кровати и поплелся в туалет, на ходу расстегивая брюки. Возвращаясь в спальню, посмотрел на вешалку в прихожей — куртки нигде не видно. Зато висело белое, явно женское короткое пальто, или это все же была длинная женская куртка — но какая на фиг разница!

Паша схватился за лоб, пытаясь восстановить в измученном возлияниями мозгу картину вчерашнего вечера. Белое пальто ему явно что-то напоминало. Паша мельком вспомнил девушку, которая крепко поддерживала его под локоть, когда он шел к подъезду. Удивляясь все больше и больше, он заглянул в гостиную — на диванчике свернулась улиточкой незнакомая женщина. Гостья тоже спала одетой, кутаясь в ветхое одеялко, которым Паша укрывался еще подростком, а теперь, когда ушла жена, случайно нашел и в знак смутного протеста против этой предательницы снова плотно освоил в своих похмельных ознобах, бросая по утрам как попало прямо в гостиную. Из-под одеяла выглядывал кончик ноги в носке и джинсовой брючине.

Паша всмотрелся в лицо спящей. Девушка была несомненно красивой. Он узнал ее: официантка из вчерашнего бара. Но почему здесь? Почему спит под его одеялом? Что ли, она его домой привезла?! Как завершился вчерашний вечер?.. Никаких воспоминаний... Неожиданные впечатления так возбудили Пашу, что он передумал спать, а решил лучше почистить зубы, принять душ и сварить кофе.

Перепадок

Около семи Лена проснулась и прислушалась. В ванной шумела вода. Лена отправилась на кухню, ополоснула лицо над раковиной и довольно уверенно отыскивала все необходимое для варки кофе и приготовления тостов. И когда Паша, закончив водные процедуры, явился с намерением похлопотать о завтраке, кофейный запах уже оживлял его с недавних пор холостяцкую кухню. Он кое-как приветствовал девушку и, преодолевая смущение, попытался развить непринужденную беседу:

— Я, собственно... извините, что-то не припомню, как мы с вами... и, извините, имени вашего... как-то, в общем, тоже... — высказался он, стараясь держаться бодряком.

— Лена, — улыбнулась гостья. — Я вас вчера домой доставила. Сами вы уже вряд ли добрались бы.

— Да я просто... — хотел было оправдаться Паша и только рукой махнул.

Возникла короткая пауза, во время которой хозяин тяжело опустил на стул, а гостья понимающе улыбнулась.

— А меня вы не помните? — спросила она, не переставая дружелюбно улыбаться. — Я у вас училась. Десять лет назад. В институте.

— То-то чувствую, лицо ваше... такое... не чужое.

— Ну так что — кофе?

Паша вздохнул.

— Ну налейте... Может, полегчает. Перебрал я вчера...

Наталия Симонова

— Да понятно. У вас что-то случилось?

— Жена ушла. — Паша скривился. Ему было очень неловко. Но Лена оказывалась его спасительницей. Он считал себя обязанным поддерживать разговор. — Ю андестен ми? — добавил с искусственной улыбкой, тщетно пытаясь выглядеть беззаботным шутником.

— Ну конечно, — кивнула Лена. — Что ж непонятного?

— А мне вот как-то непонятно, — опять вздохнул Паша. — Я не понимаю. Сказала, что я клоун. — Снова повисла пауза. Паша помолчал и продолжил: — Я клоун, а он — человек-праздник. Вот так вот. Он праздник — я клоун. Непонятно... знаете ли...

— Вы, Павел Евгеньевич, умный, — сказала Лена. — Вы настоящий ученый, профессор! А она, должно быть, просто дура.

— Вы думаете? — только и мог произнести Паша, которого с перепою нещадно мутило от кофе.

— Вы нам матанализ читали, я знаю. Я ваши лекции не пропускала.

— Да?... А что ж теперь в ресторане работаете?

— А где мне работать?

— Матанализом увлекались — а работаете официанткой, — опять пожал плечами Паша.

— Ну естественно. А если по специальности — это зубы на полку положить. Вот и приходится бегать с подносами. Сами-то все там же?

— Тоже практически нет уже. — Он махнул рукой. — Лен, а можно я тосты не буду, не лезут... Да и кофе...

Перепадок

— Мне-то что! Воду пейте. Угольку примите. Есть у вас?

— Угу.

— Где?

— Там, — Паша махнул рукой.

— Знаете, я сейчас поеду. А вам-то можно еще поспать?

— Посплю, наверное. А вы куда?

— Погуляю, пока моя смена не начнется.

— Ну здравствуйте! Тогда уж оставайтесь. Лягте тоже, до спите.

— И то! — согласилась Лена, которой вообще-то совсем не хотелось гулять.

Они снова разошлись по комнатам, где ночевали, и поспали еще часа два. Вновь проснувшийся Паша чувствовал себя гораздо лучше. Он сам сварил кофе. И они опять посидели на кухне.

Паша рассказал Лене, что их лаборатория в институте пока еще держится на плаву, есть кое-какие гранты. Но, увы, сказал он, для меня это теперь не основное. Рассказал, как шесть лет назад они с друзьями организовали собственную фирму по продаже финских домиков.

— С того теперь и кормлюсь, — пояснил он. — А вы-то почему в кабаке этом оказались? Почему официанткой?

— Ну не нашла пока ничего получше. Ищу... — Лена развела руками.